

И.А. Кравец

ТЕЛЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ, КОНСТИТУЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ПУБЛИЧНЫЙ ПРАВОПОРЯДОК (НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ, РОССИЙСКИЙ, СРАВНИТЕЛЬНЫЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНТЕКСТЫ)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00761 А.

Рассматриваются этимология слова «телеология», теоретические основы телеологического конституционализма, проблема телеологических норм конституции, их роль в качестве правовых предписаний, правовые элементы доктрины конституционной телеологии, соотношение правовых и моральных ценностей в большом и малом круге конституционализма, правовая природа конституции как коммуникации и среды для правовых инноваций, моральных традиций и конституционной идентичности.

Ключевые слова: телеологический конституционализм; конституционный дизайн; конституционная коммуникация; телеологическая функция конституции; конституционность; правовая рациональность; конституционная идентичность; конституционное толкование.

Телеология, научное знание и конституционализм

Слово «телеология» происходит от греческих слов «telos» (телос) – результат, завершение, цель, и «logos» (логос) – слово, учение. Данное слово выражает мнение, что явления можно объяснить с точки зрения их цели, функции или предназначения. В философской энциклопедии телеология рассматривается как идеалистическое учение о цели и целесообразности, которое постулирует особый вид причинности: целевой, отвечающей на вопрос, для чего, ради какой цели совершается тот или иной процесс [1. С. 673]. Как раздел философии *телеология* утверждает, что каждый объект имеет конечную цель для своего бытия. В политической мысли телеологические аргументы были использованы, чтобы оправдать существование и функций государства, ссылаясь на цель человеческой жизни. Каждая из трех доминирующих традиций в политической и нравственной философии – аристотелевской, утилитарной и кантианской – в некоторой степени зависит от телеологических требований [2]. Телеология может использоваться в качестве современной научной дисциплины, которая обеспечивает исследовательский канал для сопоставления знаний (создания картографии знаний), когда она выступает *основой для сбора стратегических знаний*. Телеология рассматривается и как важный компонент концепции менеджмента знаний (knowledge management). Управление (менеджмент) знаниями в качестве дисциплины включает в себя несколько подотраслей: процессы управления знаниями основаны на философии Аристотеля или Платона; концепция основана на лучших практиках философии, управления информационными системами, организации науки, науки управления, когнитивной науки и на других областях [3. Р. 137].

Телеологический принцип существует в научном познании мира. Проблема телеологии рассматривается как одна из самых неоднозначных и спорных проблем в истории западноевропейской философской и научной мысли [4. С. 3]. В истории развития идеи телеологии отмечается ее сильное влияние на биоло-

гию. По мнению биолога Эрнста Майра, возможно, «никакая другая идеология не оказала влияния на биологию более глубоко, чем телеологическое мышление» [5. Р. 117]. Эволюционная теория Ч. Дарвина в биологии и теория развития в социологии и других общественных науках опровергли действие принципов механической причинности в живой природе и в обществе. Телеологические объяснения возникают у историков и социологов, которые сталкиваются с анализом целей, интенций и мотивов действий людей. По мнению Г.И. Рузавина, в настоящее время телеологические объяснения рассматриваются как эвристические способы исследования и допускаются как вспомогательные и дополнительные объяснения, которые желательно со временем свести к объяснениям с помощью законов и причин явлений [6]. Телеологический принцип познания рассматривается и в контексте критики способности суждения Канта [7. С. 74], и в контексте развития философии истории (развертывание идеи истории). Р.Дж. Коллингвуд, опираясь на взгляды Равессона и Лейбница, отмечает, чтобы реальность существовала и сохраняла себя как целое, причинность должна быть представлена в ней в двух формах: в виде так называемых действующих причин, связывающих часть с частью, и в виде целевой причинности, организующей эти части в единое целое [8. С. 177]. Телеология претендует и на осмысление проблемы философии смысла. Философская проблематика смысла может истолковываться не только под гносеологическим или функционально-аксиологическим углом зрения, но и в рамках телеологии, направленной на обнаружение осмысленности и целесообразности человеческой деятельности, жизни, истории [9. С. 3].

В современной *биофилософии* на фоне обсуждения теорий самоорганизации и теории сложности, их применения в биологии и экологии *вопрос о телеологии* приобретает новое значение. Некоторые ученые настаивают на полной ликвидации какой-либо ссылки на телеологию из области естественных наук. Однако особенно сложно искоренить телеологические выражения на научном языке, когда речь идет о понимании живых существ. По этой причине другие ученые

выбирают средний путь, который допускает некоторый телеологический язык. Тем не менее остается открытым вопрос о том, следует ли рассматривать телеологические выражения как играющие просто метафорическую или необходимую эвристическую роль в науках [10. Р. 37]. По мнению исследователя, который опирается на Уайтхеда, *телеология* должна быть необходимой *онтологической предпосылкой для осмысления действительности вообще*; особенно важно данное предположение для понимания живых существ [Ibid. Р. 69]. *Телеология* используется для понимания человеческой природы и эволюции общества, например, для осмысления поведения людей, которые живут в различных условиях и преследуют определенные жизненные цели. Сравнительная и историческая перспектива необходима для понимания сходства и различий в поведении людей во всем мире. Важно понимать, какие мысли и поведение могут быть *универсальными*, что может быть *общим*, но не *универсальным*, и что может быть *редким* или вообще не существовать. Никакие общие принципы человеческого поведения и человеческого общества не могут быть разработаны без сбора таких данных [11. Р. XI]. Это подтверждает онтологическую значимость телеологии для осмысления человеческой деятельности.

Применение категории «цель» в праве формирует научные представления о правовой телеологии, которая имеет как общетеоретическое значение, так и разветвленное отраслевое применение (в различных отраслях права). Сложность самой задачи исследовать *право* в качестве явления *телеологического порядка*, признавал Б.А. Кистяковский [12. С. 394]. Телеология в праве подразумевает цели правового регулирования, которые связаны как с объективными потребностями общества, государства, отдельных групп личностей или их объединений, так и с психологическими аспектами восприятия права различными субъектами, а также соотношение целей и средств правового регулирования. Анализ целей в праве способствует развитию инструментального подхода к осмыслению права. Наиболее продуктивной методологией исследования целей в праве, по мнению авторов, является рассмотрение цели в неразрывной связи с категорией «юридические средства» и юридической практикой, т.е. в рамках инструментального анализа правовой сферы [13. С. 29–41, 44]. Такая постановка проблемы целей и средств в праве рассматривалась в качестве фундаментального общетеоретического направления [14. С. 2]. Она позволяет иметь четкое представление о состоянии механизма действия права в целом, о совокупном влиянии в современных условиях правовой формы на социальные связи, а также выявлять теоретико-содержательную и технико-юридическую стороны правотворческой и правореализационной деятельности [15. С. 3–5]. Правовая телеология, правовой утилитаризм и правовая аксиология – взаимосвязанные категории и концепты в современной юриспруденции и философии. Цели в праве, как и интересы в праве, были предметом исследования Рудольфа Иеринга, который не распространял правовую телеологию на сферу конституционализма и конституционного права. Со времени появления трудов Р. Иеринга

целеполагание в праве является значимым направлением исследований [16]. Рудольф Иеринг связывал появление цели в праве с действием закона причинности. Телеологическое понимание права было представлено в работах не только Р. Иеринга, но и Р. Штаммлера. В частности, Р. Штамлер соединил в учении о «правильном праве» кантианский подход к правопониманию и телеологическую концепцию права Р. Иеринга [17]. Следует отметить, право может рассматриваться как телеологически обусловленное явление. Под телеологическим обоснованием права Р. Штамлер понимает раскрытие той цели, которой служит право. Это важное понимание правовой телеологии актуально и для современных правовых систем. В отношении взглядов Р. Иеринга другой теоретик права и государствовед Б.А. Кистяковский отмечал, что наибольшая неясность в исследовании Р. Иеринга царит относительно его основной темы – «относительно цели в праве». Судя по его заглавию – «Цель в праве» – Р. Иеринг ставил себе задачу вскрыть и установить те цели, которые определяют самое существо права. Анализ данной работы, проведенный Б.А. Кистяковским, позволил ему упрекнуть Р. Иеринга в том, что он исследует не «цель в праве», а «цель вне права» [18. С. 388]. По мнению Б.А. Кистяковского, право – чрезвычайно многостороннее и многоликое явление: оно не только относится к сфере причинно обусловленных явлений, но и представляет собой продукт человеческого духа, так как теснейшим образом связано с логической и этической деятельностью человека, а в качестве такового оно, следовательно, включено в область явлений телеологического порядка. Научное познание права связано с объяснением его как «в причинной, так и телеологической зависимости» [Там же. С. 393].

В телеологической зависимости находятся и современные конституции, и конституционализм. Телеология призвана формировать и объяснять цели развития конституций и конституционализма, определять, опираясь на конституционную аксиологию, какая конституция может считаться хорошей. По мнению британского исследователя, «хорошая конституция» в демократической стране стремится уравновесить нравственность закона и нравственность правления (а не только правительства в узком смысле слова). В контексте британского конституционно-политического опыта хорошую конституцию можно рассматривать на уровне той абстракции, которая говорит как она относится к правам человека или в контексте перехода от парламентского к конституционному верховенству в правовой системе страны [19. Р. 567–568]. В отношении ситуации в России хорошая конституция может рассматриваться как конституция, обеспечивающая переход от верховенства президента к верховенству конституции и подчинения верности конституции деяний главы государства и системы органов, формируемых с его участием. Конституция эволюционирует, однако не всегда в направлении, первоначально заданном при ее принятии, возможны регрессы конституционного опыта, недостижение намеченных конституционных целей. Как отмечает С.Ф. Ударцев, конституция – «эволюционирующее

явление в правовых системах, выступающее частью других эволюционирующих динамичных систем в сфере политики и права, тесно связанных также с системами и подсистемами других сфер общества» [20. С. 6]. Достичь консенсуса в понимании конституционализма современными учеными – дело довольно сложное. Различные подходы к пониманию конституционализма позволяют синтезировать наиболее значимые компоненты доктринального уровня, отражающие многообразие взглядов и раскрывающие сердцевину проблем правового регулирования взаимоотношений государства, общества и личности. Набор современных качественных характеристик конституционализма впечатляет как широтой используемых метафор, так и приложенных к основному термину различных прилагательных, которые призваны раскрыть все новые грани воплощения не только в реальности, но и в нашем сознании представлений об этом явлении. Например, для выявления существенных отличий конституционализма в постсоветских государствах используется термин «девиантный конституционализм», несомненно, заимствованный из криминологии и социологии поведения (лат. *deviatio* – уклонение, англ. *deviation* – отклонение). Социальная девиация связана с отклонением от общепринятых и устоявшихся социальных норм. В юриспруденции девиантным (англ. *deviation* – отклонение) называется поведение, противоречащее установленным в обществе моральным и правовым нормам. Применительно к конституционным системам из-за их большого разнообразия и существования различных моделей конституционализма термин «девиантный» представляется малосодержательным и даже irrelevantным, имеющим, как видно, негативную окраску.

Многие современные исследователи рассматривают конституционализм как набор принципов, убеждений или ценностей, связанных с организацией формы правления и устройством государства, порядком управления этим государством [21. Р. 11–12]. В контексте исторической и антропологической перспективы понятие конституционализма неразрывно связано с развитием и рационализацией самоуправления в национальном и региональном масштабе (на общегосударственном и субфедеративном уровнях) и в условиях современного государства включает демократическое правление и конституционную демократию [22. Р. 626–628]. Ответственность в конституционализме занимает лидирующее место как правовой и политический институт и как проблема достижения эффективности и подконтрольности публичной власти. Конституционализм имеет длительную традицию как в юриспруденции и конституционной теории, так и в политике и политической теории (если учитывать английский, европейский континентальный и американский правовой и политический опыт). По мнению Марка Грабера, существует значительное разногласие в вопросах начала данной традиции и в вопросах о том, что установило такую традицию [23. Р. 14]. *Одно направление* в исследовании конституционализма выводит его из античной Греции и опирается на работу Аристотеля «Политика», которую рассматривают как первую великую работу по конституционализму, при-

чем сам конституционализм – как исследование политических режимов. *Другое направление* ищет первые следы конституционализма в античном Риме или Средних веках. Современные конституционные режимы возникают как правила, которым привержено государственное правление в целом с определенными фундаментальными правовыми принципами и верховенством права. *Третье направление* в исследовании конституционализма развивается в Англии и США в течение XVII–XVIII вв. Либеральный конституционализм Возрождения был привержен ограниченному правлению и индивидуальным свободам. В современных исследованиях признается территориальное расширение моды на конституционализм, которая охватывает весь мир [24. Р. 290]. Конституционализм и глобализация взаимодействуют, и одним из проявлений глобализации являются взаимосвязанные тенденции интернационализации конституционного права и конституционализации международного права [25. С. 7]. Термин «конституционализм» ведет свою родословную от концепции писаной конституции, которая обладает верховенством в системе национального права и высшей юридической силой в иерархии источников отечественного права. В современном публичном праве термин «конституционализм» часто возникает при обсуждении отношений между государственной властью, правом, демократией и сохранением либеральных ценностей, но он используется с широким спектром значений [26. Р. 8]. Конституционализм как правовое проектирование черпает свои модели через доктрину конституционного дизайна. Как научное направление конституционный дизайн опирается на телеологию в качестве теоретической и аксиологической платформы для формулирования целей, ради которых создаются, развиваются и трансформируются конституции и конституционно-правовые институты. Конституционный дизайн для одних исследователей – часть научного направления «конституционная телеология» [27. С. 60–61], для других служит для «разработки конструкции институтов, способствующих достижению целей общественного благосостояния» [28. С. 344–345].

Телеологический конституционализм в системе национального и наднационального правопорядка

Современный конституционализм имеет множество национальных форм воплощения в правовой системе различных государств. Имеет он и наднациональную форму своего бытия, претендуя на планетарный масштаб существования и воплощаясь пока в виде концепта или проектов глобального конституционализма. Планетарный, или глобальный, конституционализм претендует на «каркасообразующую» роль современного транснационального права. В процессе создания транснационального права используются методология и лексикон сравнительного конституционного права. По мнению С. Бартоле [29. С. 39–46], значимую роль в осмыслении процесса формирования транснационального права играет сравнительное конституционное право, которое вбирает не только со-

временные модели конституционного регулирования, но и формирует наднациональный конституционный лексикон. Высказываются суждения (со стороны Гюнтера Тойбнера) в поддержку формирования транснационального конституционализма, который не только выходит за пределы национального государства, создавая институциональный политический сектор, но и участвует в создании «частных» секторов глобального общества [30. Р. 2–3]. Внутренние и внешние цели развития конституционализма проецируются как на национальный государственно-правовой порядок, так и на международные отношения, на вопросы межгосударственных объединений и интеграционные процессы, в которых участвует Российская Федерация (как и другие государства). Конституционализм позволяет согласовывать иерархичность норм, предназначенных для регулирования внутригосударственного правового порядка и участия государств в международных отношениях. Целевой характер современного конституционализма усложняется благодаря множественности стратегических и тактических целей развития современных государств в контексте реализации задач внутренней и внешней политики.

В исследованиях различных форм конституционализма предлагаются интерпретационные доктрины как в рамках современной юриспруденции, политологии, социологии, экономики и культурологии, так и в сравнительно новых областях охвата конституционной мысли, как, например, психология. В частности, профессор Дон Оливер предлагает рассматривать ряд интересных проблем *психологического конституционализма* [31]. Она предполагает, что следует рассматривать в качестве основополагающего *принцип конституционных договоренностей* в Великобритании. Правительство на общенациональном уровне (как и другие государственные органы) может и должно *поощрять общественный интерес*, содействовать ему. Такой интерес служит *здоровому публичному климату в государстве* в отличие от поощрения интересов спонсоров, родственных групп или расовых, этнических, клановых или религиозных групп, к которым принадлежат представители органов государства. По мнению профессора, принцип конституционных договоренностей работает в контексте двух взаимосвязанных принципов: принципа общественных интересов и принципа государственной службы. *Принцип общественных интересов* требует, чтобы государственные органы действовали в интересах широкой общественности. Данный принцип, среди прочего, предполагает, что «общественность», или население, является достаточно последовательной группой с взаимосвязанными общими публичными интересами, которые должны обеспечиваться правительством страны, поскольку население соглашается с тем, что оно обслуживается правительством. *Принцип государственной службы* включает в себя идею о вполне реалистичном ожидании того, что политики и государственные служащие будут служить интересам, отличным от их собственных эгоистических интересов, – интересам широкой общественности. Следовательно, в психологическом плане конституционализм формирует *обще-*

ственные ожидания, основанные на *обеспечении общественных интересов страны и предотвращении на государственной службе удовлетворения эгоистических или местных интересов* [31. Р. 639–640].

Как конституционализм в национальном измерении не мог оставаться в рамках юридической парадигмы существования и анализа, так и глобальный конституционализм не является исключительно предметом юриспруденции. Глобальный конституционализм рассматривается в международных исследованиях как управленческая альтернатива государственной системе. В некоторых исследованиях отмечается взаимосвязь между проблемой нормативности международно-правовых норм и конституционной теорией, последняя позволяет разрабатывать для международного права концепцию нормативности и рационализации международно-правовых структур и институтов. В качестве такой теории может выступать *международный конституционализм* [32]. Глобальный и транснациональный конституционализм при относительной неясности границ и предметного поля формирования связан с доктринами глобализма и космополитизма. Несмотря на растущее число литературы по теории космополитизма, большая часть современного нормативного политического концепта глобальной политики остается в традиционной дихотомии между *национальным демократическим суверенитетом* и *либеральным космополитическим конституционализмом* [33].

В своей работе Сейла Бенхабиб осмысляет проблему «юридической генеративности права» («the jurisgenerativity of law») в вопросах соотношения перспектив создания глобальной конституции (полезности, желательности, или преждевременности, или даже вредности) и сохранения суверенитета современными государствами. В контексте российской юридической мысли представляется правильным говорить о правообразующей роли права или о том, что «право порождает право», а неправое может порождать и произвол, и право на защиту от произвола. С. Бенхабиб подробно рассматривает критические замечания в отношении правовых преобразований, связанных с проектом глобального конституционализма, и разграничивает тех, кто рассматривает универсализацию норм о правах человека как троянского коня глобальной империи или как неокOLONиалистские намерения утвердить имперский контроль над миром, и тех, кто стоит на демократических суверенных позициях, в отличие от националистов. По ее мнению, подобная критика игнорирует «юридическую генеративность права» («the jurisgenerativity of law»), или правообразующую роль права. Хотя представители сохранения демократического суверенитета ошибаются в минимизации того, как нормы в области прав человека улучшают демократическое самоуправление; глобальные конституционалисты также ошибаются в минимизации той степени, которой космополитические нормы требуют местной контекстуализации, интерпретации и народной культуры самоуправляющихся народов [Ibid. Р. 691–692]. Отмеченные ранее, две доминирующие школы мысли, посвященные проблемам космополитизма и международного конфлик-

та, берут начало в различных идейных истоках: демократический национальный суверенитет, вдохновленный Гегелем, имеет своих сторонников сохранения суверенных прерогатив и политической мощи современных государств; глобальный конституционализм, вдохновленный И. Кантом и переформулированный Ю. Хабермасом, предстает как новый проект и для нормативности международно-правового порядка, и для перспектив построения глобального управления [34. Р. 24–26].

Современные конституции прошли путь от частичного закрепления отдельных целей и ценностей развития общества и государства, политической нации до значительного расширения конституционно-правового поля влияния как на внутригосударственное право и отдельные отраслевые сферы правового регулирования, так и на наднациональное право, активно вмешиваясь в процессы международной интеграции и кооперации, участвуя в имплементации норм международного права, создают «конституционные мосты» для реализации международно-правовых методов и форм правовой конвергенции. Конституция представляет собой систему взаимосвязанных и взаимозависимых норм, в основе которых лежит система ценностей и взаимосвязанных интересов различных участников конституционного строительства и субъектов конституционно-правовых отношений. Система конституции находится в определенной генетической связи с системой конституционного права, с осмысленной наукой, «работой» в правовом, политическом, экономическом, культурном и социальном поле конституционно-правовых институтов. Через юридическое свойство в качестве основы системы законодательства конституция обеспечивает множество правовых связей с различными отраслями права, претендуя на роль *мегаучредительного акта* для всей правовой системы. Система конституции как мегаучредительного акта создает *правовую иерархию* не только конституционных ценностей для всей правовой системы страны, но и *проецирует* в правовое пространство *формы взаимодействия* конституционных ценностей и отраслевых правовых ценностей в процессе работы конституционно-правовых институтов во взаимосвязи с отраслевыми правовыми институтами. Можно отметить, что современная конституция – это нормативный и структурный каркас для создания матрицы конституционных целей и ценностей, в рамках которых развивается как правовая система страны, так и формируются направления внутренней и внешней политики государства. Конституционный телеологизм – неотъемлемая часть теории и практики современных конституций. Наследие советских конституций с их программно-политическими положениями требовало переосмысления в контексте переходного периода после принятия Российской Конституции 1993 г., который к десятилетнему периоду ее действия подошел к концу, не решив проблему издержек проведенной конституционной революции [35. С. 83].

Матрица конституционных целей и ценностей питается не только юридической и конституционной теорией и практикой; в то же самое время знания в области современной эволюционной биологии пока-

зывают новое направление в изучении телеологии в биологии. В частности, утверждается, что телеология лежит в области *композиционных иерархий*. Дэниел У. Макши задает вопрос, как мы будем понимать телеологические системы? Чем объясняется их настойчивость (возвращение к прошлым траекториям после ошибок) и их пластичность (поиск той же траектории из разных исходных точек)? В своей работе он утверждает, что все, казалось бы, целенаправленные (целеустремленные) системы – например, организм, ищущий пищи; созданные человеком устройства, такие как термостаты и торпеды; биологическое развитие, поиск целей человека и сам эволюционный процесс – разделяют общую организацию. В частности, они состоят из сущности, которая перемещается внутри более крупной содержащей структуры, которая управляет ее поведением в общем виде без его четкого определения. Придерживаясь такой точки зрения, он отмечает, что таким образом телеология лежит в области теории композиционных иерархий [36. Р. 663].

Возможно, чтобы лучше понимать значение конституции как нормативно-структурной основы конституционной телеологии, следует видеть в ней ту область общественных (правовых, политических, экономических, социальных и духовных) отношений, которая работает в контексте объясняющей ее *теории композиционных иерархий*. Представляется важным отметить, что сама по себе *матрица конституционных целей и ценностей* возможна, если признать существование потребностей согласования и последовательного воплощения в правовой системе страны норм и принципов конституции как важнейшей правовой оболочки взаимодействия различных субъектов права, государства и общества. В этом случае *матрица конституционных целей и ценностей* вовлекает в процесс создания иерархии ценностей не только официально уполномоченных субъектов толкования норм конституции и законодательства, но и научное сообщество, активных субъектов использования прав и свобод (граждан, их объединений). Такая матрица может создаваться с обязательной опорой на *идеологию отечественного конституционализма* и *конституционную идентичность российского государства и общества*, конституционные принципы основ конституционного строя с учетом их *включенности в процессы международной и европейской интеграции*, практику *официального толкования* Конституционным Судом РФ положений Конституции об основах конституционного строя, принципов российского конституционализма, основных прав и свобод, обязанностей человека и гражданина в конституционном и европейском пространстве.

Система конституции и система целей и ценностей образует *конституционную матрицу* благодаря иерархическим связям и определенной комбинаторике сочетания конституционных, отраслевых и наднациональных интересов и ценностей, баланс которых в каждом конкретном случае находится в состоянии *динамического равновесия*. В основу конституционной матрицы иерархии конституционных целей и ценностей должен быть положен *принцип толкования*,

согласно которому *конституционные принципы* (основы конституционного строя, принципы конституционализма) *служат охране и защите* основных прав, свобод и обязанностей человека и гражданина, тех прав и свобод отраслевого характера, которые генетически связаны с ними. Обратная взаимообусловленность принципов и прав не должна применяться, кроме случаев специально оговоренных. Права, свободы и обязанности не должны толковаться согласно принципу, что они служат для охраны и защиты конституционных принципов (основ конституционного строя, принципов конституционализма). Матрица конституционных целей и ценностей развития общества и государства способствует правовой определенности в иерархии и соотношении установленных Конституцией РФ 1993 г. основ конституционного строя и иных конституционных положений. Принцип правовой определенности должен обладать приоритетом при толковании конституционных принципов и положений конституции о правах и свободах личности.

Исследование конституционной телеологии и конституционной аксиологии в современных научных публикациях связывается с различными конституционно-правовыми институтами и процессами в российской юриспруденции. Доктрина и практика конституционной телеологии на современном этапе складывается под влиянием как советского опыта создания программных положений конституций, так и развития и широкого использования конституционных ценностей применительно к различным государственно-правовым институтам и формированиям доктрины конституционной аксиологии, в том числе опираясь на практику конституционного правосудия (работы Н.С. Бондаря, А.А. Джагарян, Н.В. Джагарян) [37; 38. С. 27–34]. Происхождение современных конституций неразрывно связано с правовой кодификацией целей и ценностей развития политических сообществ, оформлявшихся в государства с конституционными режимами. Целеполагание имеет некоторые правовые формы закрепления и реализации в правовой системе страны. Нормы-цели и нормы-задачи создают юридические основы для целеполагания в праве. Однако определенные виды юридических норм, не сформулированные в виде целей и задач, могут обладать эффектом целеполагания, особенно если эти нормы в виде основ конституционного строя, принципов конституционализма, конституционных принципов организации и деятельности органов публичной власти закреплены в конституции страны и поддерживаются механизмом реализации в правовой системе в целом. Конституционно-правовое регулирование целей и задач Российского государства и общества имеет нормативное основание в Конституции РФ 1993 г. Правовое закрепление целей и задач в отношении различных элементов правовой и политической системы, институциональных средств их развития – устоявшиеся формы права, которыми создают важнейшие стратегические и ценностные ориентиры развития государства и общества, участия в международных отношениях и создания межгосударственных объединений и наднациональных правовых образова-

ний. Конституционно-правовые нормы опосредуют цели и задачи деятельности отдельных органов государства (по мнению Г.А. Гаджиева, цели, задачи и предназначение Конституционного Суда РФ вытекают из норм Федерального конституционного закона о КС РФ в интерпретации самого суда) [39. С. 10–16; 40. С. 8–11] или цели и задачи конституционного судопроизводства в России применительно к органам конституционного правосудия в субъектах РФ и иных федеративных государств (США, ФРГ) [41. С. 1–8; 42. С. 52–61]. Важным направлением исследований (работы И.А. Петина) стало выявление взаимосвязей конституционных норм и целей и задач уголовного законодательства, раскрытие их конституционной направленности и обусловленности положениями Конституции [43. С. 17–21]. Конституционные цели организации государственной власти проистекают из Конституции и федерального законодательства, а также из официального толкования конституционных норм Конституционным Судом РФ. Соотношение конституционных норм, их интерпретации и законодательного обеспечения – важная составляющая часть механизма реализации конституционных целей и правовых средств их регулирования и обеспечения применительно к организации государственной власти [44. С. 16–19]. Конституционализм основан на целях и ценностях, которые непосредственно отражаются в нормах конституций, и формирует конституционное целеполагание в контексте правового, политического и ценностного измерения.

Декларативность норм Конституции рассматривается в работах как препятствие для реализации конституционных целей и задач, поставленных перед государственной властью. По мнению отдельных исследователей, например Н.М. Добрынина, «преодоление кризиса конституционализма следует начинать с указания в конституционном тексте на конкретные цели и ценности» [45. С. 13]. При этом остается весьма дискуссионным вопрос: нужно ли ставить новые цели и задачи в новой конституции или разобраться с имеющимся набором целей, задач и принципов, заложенных в Конституции РФ 1993 г.? Особенно важно согласование нормативных, интерпретационных и правореализационных компонентов осуществления конституционных целей и принципов российского конституционализма. Возникновение теории ценностей, или аксиологии как оформившегося направления теоретической мысли, связывают с концом XIX – началом XX в. Аксиология может рассматриваться и как общеметодологическая сфера знаний для различных наук, изучающих ценности, так как стремление выявить, по словам Н. Неновски, «общие принципы ценностей и оценок, их общие понятия» [46. С. 25] – связывает предмет аксиологии с потребностью изучить всеобщее в разнообразных ценностях. Разработка ценностей и их изучение – это одна из тенденций постнеклассической науки (эффект «аксиологизации»). «Ценностный подход, – по мнению Е.В. Перепелица, – инвестирует содержательно новое – аксиологическое видение и измерение оснований права» [47. С. 11–14]. Конституционная аксиология формировалась с ориентацией на решение практико-

прикладных конституционных и отраслевых задач, связанных с деятельностью органов конституционного правосудия. Представляется важным рассматривать концепт конституционной аксиологии с позиций системной и комплексной методологии познания правовых явлений. Выбор целей развития государства и общества, который опосредуется правовыми нормами и действующей в стране конституцией, предполагает сочетание внутригосударственных и международных факторов, исторических традиций и текущих задач управления, объективных потребностей решения государственно-правовых задач и субъективных ценностных ориентаций носителей государственно-властных полномочий. Заложенные в конституцию страны потенциальные правовые возможности могут искажаться под воздействием различных факторов политического, экономического, международного, личностно-психологического характера, создавать конституционные аномалии различного вида, создавать конфликтную область при «работе» телеологических и аксиологических детерминант в российском конституционализме. Исследование конституционной телеологии и конституционной аксиологии в современных научных публикациях связывается с различными конституционно-правовыми институтами и процессами в российской юриспруденции. Используя понятие парадигмы (Т. Кун), предлагается новое направление в исследовании российского конституционализма, а именно конституционная телеология [48].

Исследование доктрины и практики конституционной телеологии на современном этапе возникло под влиянием как советского опыта создания программных положений конституций, так и развития и широкого использования конституционных ценностей применительно к различным государственно-правовым институтам и формированиям доктрины конституционной аксиологии, в том числе опираясь на практику конституционного правосудия. Время действия Конституции, как правило, не оговаривается ее нормами, и в этом смысле «время жизни» основного закона страны – это развертывание его потенциала в правовой системе страны. Взгляд на конституцию как на ресурс правовых возможностей государства, общества и личности важен в перспективе понимания исторических и государственно-правовых традиций страны. Если прежний правовой и исторический опыт допускал связывание принимаемых конституций с руководителями государства (сталинская, брежневская, ельцинская), он не может просто раствориться в сознании, хотя возможен его уход в область неактуальной политической и правовой действительности. Гораздо важнее для правовой активности субъектов конституционно-правовых отношений поддерживать представление о конституции как нормативном документе для новых возможностей как политиков и органов государства, так и для граждан и их объединений. Реальность раскрываемого потенциала конституции выражается в совокупности правовых деяний не только главы государства (или отдельных его органов, должностных лиц), а всех субъектов права, которые могут быть представлены как конституционное сообщество граждан, частных и публичных субъектов.

Представление о соотношении права и морали в концепциях правопонимания развивается в XXI столетии под влиянием «работы» современных конституционно-правовых институтов, практики конституционализма, в том числе практики судебного обеспечения прав и свобод как средствами конституционного правосудия, так и наднациональных судебных органов. В современной доктрине юридического позитивизма и аналитической философии права приобретает важный смысл сочетаемость моральных и правовых ценностей. Значение такой сочетаемости в конституционной юриспруденции заключается в том, что она влияет на формирование и применение методологии разрешения конституционных конфликтов и коллизий, возникающих в сфере защиты основных прав и свобод средствами конституционной и наднациональной юстиции, применение принципа соразмерности ограничений прав и свобод личности.

Конституция действует во всех сферах жизнедеятельности личности, общества и государства. Можно предположить, что конституция выполняет роль оболочки правовой операционной системы, в которой осуществляется деятельность различных субъектов права. Такая «конституционная оболочка» содержит как набор правовых принципов и норм, так и моральных правил (возможно, и ожиданий), которые имплицитно присутствуют в правовой материи и определяют более широкий набор требований в области конституционной практики и публичной морали. Конституция проявляет себя как Основной закон страны или как Высший закон для государства и общества, личности в пределах территориальной юрисдикции государства (как правило, хотя есть исключения). Термины «Основной закон» и «Высший закон» часто используются в конституционно-правовых исследованиях как тождественные. В словосочетании «Основной закон» аккумулируются представления о законе, который закрепляет основы политической, экономической, социальной и духовной систем общества, взаимоотношений личности и государства. В современных исследованиях отмечается роль конституции как среды обитания, требующей рационального использования [49. С. 145–148], и в то же время, нам представляется важным отметить, как правового пространства равных возможностей. Важную роль она играет и в формировании единого конституционно-правового пространства страны [50. С. 14–23]. Проблема сочетания моральных и правовых ценностей может рассматриваться в рамках соотношения большого и малого кругов конституционализма. Данный подход формируется как развитие представлений о существовании конституции с заглавной (большой) буквы «К» и конституции с прописной (маленькой) буквы «к». В частности, такой подход был сформулирован в работе английского исследователя британской конституции Энтони Кинга [51], который предлагает разграничивать два вида конституций: *конституции с большим «К»* следует отличать от *конституций с небольшим «к»*. *Малые «к» конституции* составляют наиболее важные «правила и понятия» – неписанные и писанные, молчаливые, а также явные – которые регулируют деятельность высших органов соответствующей

щей страны. В стране без небольшой конституции «к» не было бы стабильного управления учреждениями (жизнь в такой стране, по его мнению, будет похожа на жизнь в естественном состоянии Гоббса – *Hobbes's state of nature*). Второй вид конституций – *конституции с большой буквы «К»* «кодифицируются»: с ними можно обращаться в любой хорошей библиотеке, они содержат положения для их собственного изменения и толкуются авторитетными конституционными судами. В понимании сочетаемости моральных и правовых ценностей в публичном и конституционном правопорядке значимый интерес представляет именно соотношение большого и малого круга конституционализма, а не только выявление сфер реализации конституций с заглавной и прописной буквы (в понимании Энтони Кинга).

Представление Э. Кинга о конституциях с маленькой и большой буквы «к», несомненно, отражает отсутствие в стране кодифицированной конституции в общепринятом смысле и развитие британской конституции как исторического процесса с набором разнообразных источников. Однако оба понимания конституции развиваются в рамках идей конституционной демократии и конституционализма как центральной части западного политического дискурса, проходящего через современную эру [51. Р. 11–12], с британским «политическим и правовым лицом». Сочетаемость моральных и правовых ценностей отражается на публичном правопорядке в целом и на конституционности и конституционном правопорядке в частности. Применительно к современной конституционной теории возможно говорить о существовании большого и малого кругов конституционализма, которые призваны объяснить проблему сочетаемости моральных и правовых ценностей в публичном и конституционном правопорядке. *Малый круг конституционализма* включает писаную кодифицированную (или некодифицированную) конституцию и доминирующую в стране и публичном правопорядке официально признаваемую доктрину верховенства конституции, а также практику официального нормативного и казуального толкования конституционных норм и взаимосвязанного с ним законодательства. *Большой круг конституционализма* охватывает различные источники конституционности: исторические, моральные, правовые, публичную практику конституционализма с участием всего круга субъектов конституционного правоприменения и конституционного толкования, их моральные и правовые ценности, дающие представление о совокупности правил, принципов и норм, обеспечивающих конституционный правопорядок в стране.

Конституции как среда для правовых инноваций, публичной морали и конституционной идентичности

Современные конституции – результат развития моделей правового регулирования в Новое и Новейшее время, которые стремятся аккумулировать не только универсальные конституционные и взаимосвязанные правовые принципы и норм, но и результат

развития и адаптации к вызовам интеграции и международных отношений национальных правовых принципов, норм и институтов как выражение определенной «самобытности» или идентификации национального конституционализма. При этом различные модели конституционализма формировались в течение длительного периода времени в рамках ограниченного круга цивилизаций (европейской, американской) и в настоящее время получили глобальное распространение с новыми вариациями и перспективами развития. Западный, восточный, советский, исламский и буддистский конституционализм отражает не только различные цивилизационные подходы для измерения содержательных компонентов конституционализма, но и свидетельствует о несовпадающих знаковых системах, которые используются для идентификации конституционализма. Устойчивый и укорененный в историческую традицию конституционализм появляется в условиях соединения мировоззренческих, философских оснований, географического или страноведческого происхождения и культурно-исторических, правовых ценностей, которые развиваются и обеспечивают интеграционный потенциал конституционализма. В процессе интеграции новых государств в Европейский Союз постепенно выработалось понимание «кооперативного конституционализма», который формируется благодаря политическим институтам интеграции и внесению конституционных поправок в Польше, Эстонии и Латвии, Венгрии и Чешской Республике без привлечения судебных органов. При этом остается дискуссионным вопрос, должны ли конституционные суды интегрирующихся государств прилагать больше усилий для того, чтобы обеспечить бесконфликтное действие внутрисударственного и наднационального права [52. Р. 25–26]. Диалог органов конституционного правосудия и наднациональных судебных органов постепенно выработывает границы понимания, юридические пределы и культурно-этнические компоненты конституционной самобытности отдельных государств как перед лицом наднациональных органов, так и в контексте сравнения с иными суверенными демократиями, объединенными в рамках Европейского Союза.

Бенджамин Шонталь считает, что некоторые из наиболее важных юридических проектов в Южной и Юго-Восточной Азии были проектами буддийского конституционализма: попытки использовать письменные конституции и другие основные законы для организации власти способами, которые защищают и сохраняют буддийские учения и институты, особенно институт буддийского монашества *saṅgha*. Рассматривая досовременные корни буддийского конституционализма и изучая его отличительные черты в Шри-Ланке и Таиланде, он объясняет, как и почему эта конкретная форма религиозного конституционализма повлияла на политику и право в современной Южной и Юго-Восточной Азии [53. Р. 705–733]. Для понимания специфики конституционализма использование этически нагруженных терминов создает иллюзию объективной оценки конституционализма. Различные нецивилизованные определения конституционализма можно охарактеризовать как «бранный», «матерный»

или «оскорбляющий». Как правило, такие определения конституционализма появляются под влиянием доминирующей или руководящей теории (концепции) мироустройства и миропорядка, в котором конкуренция идей и (или) цивилизационного выбора представляется законченной. Понятием «бранный конституционализм» охватываются и различные виды «авторитарного» конституционализма, особенно активно используемого для характеристики государственного режима и форм политического участия в странах Латинской Америки [54. Р. 447–468]. Так считает Хорхе Гонсалес-Джаком. Проблему «бранного конституционализма» нельзя ограничить только оценкой эффективности работы конституционно-правовых и демократических институтов и форм демократического участия, обеспеченности прав и свобод личности с позиций западноевропейского или американского подходов. Основная проблема – это формирование качественных характеристик конституционализма, в котором соединились бы цивилизационный выбор (задел, доставшийся от Старого Света) и государственно-правовые традиции и опыт межгосударственной интеграции и культурного своеобразия.

В конституционных целях развития государства и общества, отраженных непосредственно в конституциях или выводимых из принципов (основ) конституционного строя, присутствуют публичные политические или моральные обязательства для деятельности высшего должного лица в государстве, других органов государства, их должностных лиц. Конституционное целеполагание устанавливает не только важные для государства и общества цели конституционного развития, но и создает нормы-цели, нормы-задачи, нормы-программы, которые выполняют одновременно и роль правовых принципов, правовых деклараций и роль публичных (моральных и политических) императивов. Конституционная телеология как наука о целях и задачах конституционного регулирования и развития общества и государства связана с важнейшими областями конституционной юриспруденции: 1) с функциями конституции и особенно с телеологической (программной) функцией; 2) с конституционализацией правового порядка на основе судебной интерпретации конституционных положений и законодательного обеспечения их реализации; 3) с конституционными целями ограничений прав и свобод граждан, различных сфер отраслевого регулирования и регулирования общественного и государственного строя страны [55. С. 80–81]. Конституционные цели отражают представления конституционного сообщества (включает граждан, иных лиц, участвующих в конституционном строительстве, органы государства, местного самоуправления, их должностных лиц) о нормативных моделях конституции, конституционализма, конституционно-правовых институтов, о будущих (и в этом смысле достижимых) результатах государственно-правового и конституционного развития. Конституция в контексте запущенной нормативной архитектуры государства и общества содействует реализации форм и ограничений в контексте политического и правового страхования, в том числе затрагивает и сферу публичной морали. Конституция неко-

торыми исследователями рассматривается как политическая страховка в более узком значении, чем можно представить, так как страхование и страховка – это еще и правовой институт [56. Р. 988–1012]. Поэтому конституция – это не только политическое, но и правовое страхование от различных рисков утраты государственности, правовой системы, стабильности и правопорядка. Правовое страхование осуществляется через установление форм и ограничений деятельности различных субъектов права. Такое страхование носит конституционно-правовой характер и оказывает морально-политическое воздействие на деятельность и органов государства, и органов местного самоуправления, их должностных лиц.

Конституции выполняют и коммуникативную функцию, которую невозможно эффективно поддерживать в публичной и частной сферах без определения и поддержания границ между правовыми принципами и моральными императивами, без определения форм воздействия конституционных норм и принципов на публичную мораль, опосредующую деятельность органов государства и их должностных лиц. Конституции создают нормативный каркас, ценностные ориентации и целевые нормативные установки как для деятельности органов и их должностных лиц, так и для граждан и иных физических лиц в конституционном пространстве страны. Тони Проссер (Tony Prosser) называет коммуникативную функцию конституции «заброшенной» или «беспризорной» со стороны научного сообщества функцией. Он вводит понятие «конституционная коммуникация» (constitutional communication) для анализа роли конституции в облегчении коммуникации на разных уровнях взаимодействия компонентов правовой системы и внутригосударственного и наднационального права [57. Р. 1039–1065]. Коммуникативная функция конституций – их роль в облегчении публичного и частного общения на внутригосударственном и международном уровне. Публичная коммуникация может быть между различными типами конституций или между юридическими и другими формами социальных систем, такими как экономика и политика. Теоретическую поддержку такого подхода можно найти в дискурсивной теории демократии Ю. Хабермаса, а также в последних разработках теории систем. В определении эффективности и востребованности коммуникативной функции конституции значимую роль играют природа и содержательные границы конституционной идентичности, в которой, в свою очередь, выявляются национальные приоритеты развития и правила публичной морали, господствующие «делопроизводительные трафареты» в постоянно возобновляемых процедурах взаимодействия органов публичной власти (органов государства, местного самоуправления).

В теории конституционного права и сравнительного конституционализма проблема конституционной идентичности рассматривается в контексте познания как моделей развития конституционно-правовых институтов в рамках международного опыта, так и познания национальных особенностей конституций и конституционно-правового регулирования. Концепт «конституционная идентичность» является дискусси-

онной концепцией постольку, поскольку по поводу содержания самой идентичности и ее необходимых элементов нет общепринятого научного согласия. Можно сказать, что постепенно, на наших глазах научным сообществом конституционалистов вырабатывается парадигма современного понимания конституционной идентичности. Как отмечает М. Розенфельд, «конституционная идентичность» – принципиально оспариваемая концепция, поскольку нет соглашения о том, что означает идентичность или что к ней относится [58. Р. 756]. Помимо этого, проблема конституционной идентичности существует в сложных политических, или в сложноорганизованных государствах, в межгосударственных объединениях, где действуют федеративные или наднациональные конституции, а также конституции в регионалистских государствах со значительным культурным, языковым, этническим и религиозным разнообразием. Концепция конституционной идентичности варьируется от фокусировки на фактических особенностях и положениях конституции (например, устанавливается ли президентская или парламентская система, унитарное или федеративное государство), отношении к конституции и культуре, в которой она действует, а также на связи между идентичностью и конституцией и другими релевантными составляющими идентичности, такими как национальная, религиозная или идеологическая идентичность. В таких (отмеченных) элементах идентичности присутствуют и моральные, и политические, и правовые сегменты, которые порой трудно разделить в практике деятельности органов государства, но которые позволяют оценивать их сочетаемость в конституционной культуре и конституционной идентичности.

Конституционная идентичность, несомненно, связывает право и историю, культуру и этничность, светские и религиозные этические, иные правила и принципы поведения как в публичной, так и в частной сферах. Помимо этого, существует концепция глобализации конституционной идентичности, которая рассматривает конституционную идентичность в эпоху глобализации, а также влияние отношений конституционной глобализации на изменение национальной конституционной идентичности [59. Р. 463–533]. Например, исследователь из Сингапура считает, что происходит адаптация социалистической конституционной идентичности в странах с социалистическими режимами (Вьетнам, Китай, Лаос, Северная Корея, Куба) под влиянием процессов глобализации. Он выделяет четыре дивергентные модели, которые используются для адаптации национальной конституционной идентичности: 1) конституционный глобализм (Вьетнам и Лаос); 2) конституционная исключительность (Китай); 3) конституционный изоляционизм (Северная Корея); 4) конституционный резервационизм (Куба). Конституционная идентичность связывает историю и будущее через формы существующих конституций. Порой старые название и языковые формы права, в том числе термины, в которых определяется конституция, держатся очень долго, даже дольше самих обозначаемых явлений. В частности, старое или традиционное для Великобритании понятие конституции во многих публикациях продолжает

жить, хотя как правовое явление уже отсутствует. Речь идет о понятии «неписаная конституция», которая в современных британских условиях именуется или гибридной (смешанной) или даже некодифицированной, что гораздо реже встречается в оценках отечественных авторов. Если нет текста конституции как нормативно-правового акта, будущее такой конституции во многом определяется и статутным правом, и конституционными обычаями (и соглашениями), и прецедентами, и доктринальными источниками, которые базируются на конституционных авторитетах [60. Р. 278]. Однако возникает проблема существования конституционного холизма.

Вопрос о соотношении конституции как целого и конституции как ее составных частей, возможно, подлежит оценке не только с позиций правовых источников и совокупности правил публичной морали, которые определяют основные элементы британского парламентаризма и кабинетной системы правления. Возможны возражения относительно любой законченности конституции как системы в области права. Представляется более целесообразным в исторической перспективе смотреть на конституцию как на открытую правовую и публично-моральную среду (оболочку), которая способна инкорпорировать инновации и совершенствовать практику и должностное поведение высших и иных должностных лиц. Конституционализм функционирует в условиях режима конституционности. Без надлежащих правовых средств обеспечения конституционализм превращается в облачную систему без связей с социальной реальностью. Понятие конституционности основывается не только на правовых, но и моральных ценностях, оно формируется в рамках различного правопонимания [61. С. 11]. В доктрине конституционности присутствуют элементы разных типов правопонимания в силу того, что и сам современный конституционализм формировался в условиях конкуренции правовых идей и взглядов. Следовательно, различные типы правопонимания оказывают влияние на правовую природу конституционности. Конституционность – продукт одновременно и рациональности, и истории, и права. Конституционность – разновидность правовой рациональности, которая, вместе с тем, создается в рамках конкретного юридического и исторического ландшафта.

На взаимосвязь рациональности и истории обращал внимание К. Хьюбнер, отмечавший, что принципы и фундаментальные идеи научных теорий не являются результатом простого обобщения фактов, а содержат априорный компонент, который не является абсолютным. Этот компонент историчен, а значит, исторична и сама правовая рациональность. По мнению К. Хьюбнера, «исторический контекст определяет, какими должны быть факты и фундаментальные принципы науки, а не наоборот» [62. С. 159–164]. Таким образом, понятие конституционности как правовой рациональности соединяет исторические подходы к пониманию права и современные размышления в рамках коммуникативной теории права и постклассической традиции правопонимания. Конституционность не остается неизменной под воздействием внутригосударственного и международного правового порядка.

Если мы подходим к пониманию толкования конституции с широких методологических и социальных позиций, это приближает нас к более объективному представлению того, как работает наша конституционная система. В книге Кита Уиттингтона «Конституционное истолкование: разделенные полномочия и конституционный смысл» (Constitutional Construction: Divided Powers and Constitutional Meaning) утверждается, что Конституция носит двойной характер [63]. Первый аспект, на котором сосредоточены ученые-юристы, – это уровень, на котором Конституция выступает в качестве обязательного набора правил, которые могут быть нейтрально истолкованы и подвергнуты внешнему принуждению судами против государственных деятелей. Это процесс конституционного толкования. Но, по словам Кита Уиттингтона, Конституция также пронизывает саму политику, направляя и ограничивая политических субъектов в самом процессе публичной политики. Публичная политика формирует процесс толкования и реализации конституции. Поэтому второй аспект – это направления конституционной политики, которые могут видоизменять не всегда текст конституции, а политику толкования и реализации конституции. К. Уиттингтон продолжает утверждать, что *двузначность* в конституционном тексте и изменения политической ситуации заставляют политических субъектов строить свое собственное конституционное понимание. Истолкование конституционного

значения является необходимой частью политического процесса и регулярной частью истории США, так как демократия живет с писаной конституцией. Конституция связывает и уполномочивает правительственных чиновников. В другой своей книге «Конституционное толкование: текстуальное значение, первоначальное намерение и судебный надзор» Кит Уиттингтон [64. Р. XI], используя аргументы, извлеченные из американской истории, политической философии и теории, рассматривает, что означает интерпретировать писаную конституцию и как суды должны решать эту задачу. Он заключает, что при толковании Конституции судебная система должна придерживаться открываемых намерений отцов – основателей конституции.

В отношении Российской Конституции маловостребованной является доктрина выявления намерений ее создателей, материалы Конституционного совещания не служат полноценным источником знаний для понимания тех или иных норм и положений конституции в процессе их толкования. Однако еще более важным является толкование конституции с позиций прогрессивного и актуализированного развития в контексте обеспечения не только интересов государства и его главы, парламента или правительства, но и граждан, их объединений, которых следует воспринимать как конституционное сообщество, участвующее в обеспеченности жизнеспособности конституции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Философский энциклопедический словарь / гл. редакция: Л.Ф. Ильичёв, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалёв, В.Г. Панов. М. : Сов. энциклопедия, 1983. 840 с.
2. Choat S. Teleology // The Encyclopedia of Political Thought. M.T. Gibbons (Ed.). Published 2014 by John Wiley & Sons, Ltd. DOI: 10.1002/9781118474396.wbpt0992.
3. Krbálek P., Vacek M. Teleology: A modern approach for knowledge mapping // International Journal of Knowledge-based and Intelligent Engineering Systems. 2013. Vol. 17, № 2. P. 137–144. DOI: 10.3233/KES-130268.
4. Разеев Д.Н. Телеологический принцип в науке (трансцендентальный подход) : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2009. 36 с.
5. Mayr Ernst. The Idea of Teleology // Journal of the History of Ideas. 1992. Vol. 53, № 1. P. 117–135. DOI:10.2307/2709913.
6. Рузавин Г.И. Телеология // Философия : энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. М. : Гардарики, 2004. 1072 с.
7. Разеев Д.Н. Критическая интерпретация кантовской аналитики телеологической способности суждения // Философские науки. 2009. № 11. С. 74–87.
8. Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография / пер. и коммент. Ю.А. Асеева. М. : Наука, 1980. 485 с.
9. Пивоев В.М. Философия смысла, или Телеология. Петрозаводск, 2004. 114 с.
10. Murasa V. Teleology and the Life Sciences: Between Limit Concept and Ontological Necessity // Koutroufinis, SA (ed.) Life and Process: Towards a New Biophilosophy. Berlin; Boston : De Gruyter, 2014. P. 37–72.
11. Sanderson S.K. Human Nature and the Evolution of Society. New York : Routledge, Boulder, 2018. 466 p.
12. Кистьяковский Б. А. Философия и социология права. СПб. : РХГИ, 1999. 800 с.
13. Малько А.В., Шундииков К.В. Цели и средства в праве и правовой политике. Саратов, 2003. 296 с.
14. Шундииков К.В. Цели и средства в праве: Общетеоретический аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. 24 с.
15. Шундииков К.В. Цели и средства в праве : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. 182 с.
16. Иеринг П. Цель в праве / под ред. В.Р. Лицкой; пер.: Н.Ф. Дерюжинский, Н.В. Муравьев. СПб. : Издание Н.В. Муравьева, 1881. 443 с.
17. Горбань В.С. «Учение о правильном праве» Р. Штаммлера как синтез формально-рационалистического (кантианского) подхода право-понимания и телеологической концепции права Р. Иеринга // Право и политика. 2017. № 9. С. 1–11. DOI: 10.7256/2454-0706.2017.9.24027.
18. Кистьяковский Б. А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права // Философия и социология права. СПб. : РХГИ, 1999. С. 5–402.
19. Laws J. The good constitution // The Cambridge Law Journal. 2012. Vol. 71, is. 3. P. 567–582.
20. Ударцев С.Ф. Конституция и эволюция общества (вопросы теории и философии права). СПб., 2015. 388 с.
21. Constitutionalism, Democracy and Sovereignty: American and European Perspectives / ed. by R. Bellamy. Aldershot : Avebury, 1996. 162 p.
22. Sweet A. S. Constitutionalism, Legal Pluralism, and International Regimes // Indiana Journal of Global Legal Studies. 2009. Vol. 16, is. 2. P. 621–645.
23. Graber M.A. A New Introduction to American Constitutionalism. Oxford : Oxford University Press, 2013. 320 p.
24. Epstein R. Can we design an optimal constitution? Of structural ambiguity and rights clarity // Social Philosophy and Policy. 2011. Vol. 28, is. 1. P. 290. DOI:10.1017/S0265052510000142/
25. Интернационализация конституционного права: современные тенденции / под ред. Н.В. Варламовой и Т.А. Васильевой. М. : ИГП РАН, 2017. 224 с.
26. Bradley A.W., Ewing K.D., Knight C.J.S. Constitutional and Administrative Law. 16 th edn. Pearson Longman, Harlow, 2015.
27. Кравец И.А. Конституционный дизайн, государственные преобразования и российский бикамерализм в начале XX века // Право и политика. 2018. № 4. С. 60–106. DOI: 10.7256/2454-0706.2018.4.25339.

28. Бардиц И.Н. Конституционный дизайн (о красоте и эстетике конституций) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. Вып. 41. С. 344–370. DOI: 10.17072/1995-4190-2018-41-344-370.
29. Бартоле С. Сравнительное конституционное право – незаменимый инструмент для создания транснационального права // Журнал зарубежного законодательного и сравнительного правоведения. 2018. № 1 (68). С. 39–46.
30. Teubner G. *Constitutional Fragments: Societal Constitutionalism and Globalization*. Oxford : OUP, 2012. 275 p.
31. Oliver D. Psychological constitutionalism // *The Cambridge Law Journal*. 2010. Vol. 69, is. 3. P. 639–675.
32. Widlak T.H. Remarks on the Normativity of International Legal Rules and Global Constitutionalism // *Ratio Juris*. 2016. Vol. 29, is. 4. P. 506–518. DOI: 10.1111/raju.12145.
33. Benhabib S. Claiming Rights Across Borders: International Human Rights and Democratic Sovereignty // *American Political Science Review*. 2009. Vol. 103, № 4. P. 691–704. DOI:10.1017/S0003055409990244.
34. Rensmann L. National Sovereignism and Global Constitutionalism: An Adornian Cosmopolitan Critique // *Critical horizons*. 2016. Vol. 17, № 1. P. 24–39.
35. Кравец И.А. Телеологическая функция конституции: к пониманию конституционализма переходного периода // Гуманитарные науки в Сибири. 2002. № 1. С. 83–88.
36. McShea D. Upper-directed systems: a new approach to teleology in biology // *Biology & Philosophy*. 2012. Vol. 27, № 5. P. 663–684. DOI:10.1007/s10539-012-9326-2.
37. Бондарь Н.С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. Вып. 2. М. : Юрист, 2013. 176 с.
38. Джагарян А.А., Джагарян Н.В. Апология ценностного подхода в конституционном праве и правосудии // Юридический мир. 2014. № 2. С. 27–34.
39. Гаджиев Г.А. Цели, задачи и предназначение Конституционного Суда Российской Федерации (часть I) // Журнал конституционного правосудия. 2008. № 1. С. 10–16.
40. Гаджиев Г.А. Цели, задачи и предназначение Конституционного Суда Российской Федерации (часть II) // Журнал конституционного правосудия. 2008. № 2. С. 8–11.
41. Жилин Г.А. Задачи и цели конституционного судопроизводства // Журнал конституционного правосудия. 2016. № 3. С. 1–8.
42. Болдырева Е.В. Задачи и цели конституционного правосудия в субъектах федеративных государств (на примере США, ФРГ и Российской Федерации) // Журнал конституционного правосудия. 2007. № 2. С. 52–61.
43. Петин И.А. Конституционная направленность целей наказания и задач уголовного законодательства // Российская юстиция. 2011. № 8. С. 17–21.
44. Степанова А.А. Конституционные цели и законодательство об организации государственной власти // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 3. С. 16–19.
45. Добрынин Н.М. О категории целеполагания в контексте конституционализма // Государство и право. 2011. № 11. С. 13.
46. Неновски Н. Право и ценности : пер. с болг. / под ред. В.Д. Зорькина. М. : Прогресс, 1987. С. 25.
47. Перепелица Е.В. Познавательные задачи и возможности конституционной аксиологии // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 10. С. 11–14.
48. Кун Т. Структура научных революций. С вводной статьей и дополнениями 1969 г. М. : Прогресс, 1977.
49. Страшун Б. Конституция России – среда обитания, требующая рационального использования // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 1999. № 4 (29). С. 145–148.
50. Демидов В.Н. Конституция РФ и единство конституционно-правового пространства Российской Федерации // Журнал российского права. 2009. № 6. С. 14–23.
51. King A. *The British Constitution*. Oxford : Oxford University Press, 2007. 448 p.
52. Albi, Anneli. Supremacy of EC Law in the New Member States Bringing parliaments into the Equation of «Co-operative Constitutionalism» // *European Constitutional Law Review*. 2007. Vol. 3, is. 1. P. 25–67.
53. Schonthal, Benjamin. Formations of Buddhist constitutionalism in South and Southeast Asia // *International Journal of Constitutional Law*. 2017. Vol. 15, is. 3. P. 705–733. URL: <https://doi.org/10.1093/icon/mox049>
54. González-Jácome J. From abusive constitutionalism to a multilayered understanding of constitutionalism: Lessons from Latin America // *International Journal of Constitutional Law*. 2017. Vol. 15, is. 2. P. 447–468.
55. Кравец И.А. Ценность конституционной телеологии и конституционная легитимность политического и идеологического многообразия: доктрина и практика // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 3(4). С. 80–99.
56. Dixon R., Ginsburg T. The forms and limits of constitutions as political insurance // *International Journal of Constitutional Law*. 2017. Vol. 15, is. 4. P. 988–1012. URL: <https://doi.org/10.1093/icon/mox080>
57. Prosser T. Constitutions as communication // *International Journal of Constitutional Law*. 2017. Vol. 15, is. 4. P. 1039–1065. URL: <https://doi.org/10.1093/icon/mox085>
58. Rosenfeld M. *Constitutional Identity* // *The Oxford Handbook of Comparative Constitutional Law* / ed. by Michel Rosenfeld and András Sajó. Oxford : Oxford University Press, 2012.
59. Bui Ngoc S. Globalization of Constitutional Identity // *Washington International Law Journal*. 2017. Vol. 26, № 3. P. 463–533.
60. Marquand, D. The Once and Future Constitution // *Government and Opposition*. 2011. Vol. 46, is. 2. P. 278.
61. Кравец И.А. Конституционность нормативных правовых актов: понятие, критерии, последствия проверки актов на соответствие конституции // Проблемы права. 2005. № 4. С. 9–22.
62. Хюбнер К. Критика научного разума : пер. с нем. М., 1994. С. 159–164.
63. Whittington Keith E. *Constitutional Construction: Divided Powers and Constitutional Meaning*. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1999. 303 p.
64. Whittington K.E. *Constitutional Interpretation: Textual Meaning, Original Intent, and Judicial Review*. Lawrence : University of Kansas Press, 1999. XVI + 304 p.

Статья представлена научной редакцией «Право» 27 января 2019 г.

Teleological Constitutionalism, Constitutional Identity and Public Order (Scientific Knowledge, Russian, Comparative and International Context)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 439, 202–215.

DOI: 10.17223/15617793/439/28

Igor A. Kravets, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: kravigor@gmail.com

Keywords: teleological constitutionalism; constitutional design; constitutional communication; teleological function of constitution; constitutionality; legal rationality; constitutional identity; constitutional interpretation.

The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, Research Project 18-011-00761 A

The article considers the etymology of the word “teleology”, its meaning in philosophy, knowledge management, history of ideas and biophilosophy, law and constitutionalism. The teleological principle is considered as a necessary ontological prerequisite for understanding reality in general, and legal reality in particular. The author explores the theoretical foundations of teleological constitutionalism as a legal phenomenon, the interrelationship of teleology, modern constitution and constitutionalism in modern science of constitutional law, the ratio of the methodological, normative foundations of teleological constitutionalism, as well as questions of the goals of developing and improving Russian constitutionalism in political and legal practice. The author discusses the scientific approaches to understanding the nature and characteristics of Russian, comparative constitutionalism in the scientific works of Russian and foreign researchers. The article analyzes the problem of psychological constitutionalism, which forms a request for the promotion of public interest in the activities of public authorities in the state. This article substantiates the scientific and legal-political significance of the matrix of constitutional goals and values in Russia, examines the influence of teleology and axiology on the formation of a constitutional matrix of goals and values of the development of the state and society. The author believes that it is necessary to take into account Russia’s participation in international and European integration, the practice of official interpretation by the Constitutional Court of the Russian Federation of the provisions of the Constitution on the foundations of the constitutional system, the principles of Russian constitutionalism, fundamental rights and freedoms, duties of a person and citizen in constitutional and European space. Such a matrix can be created with mandatory reliance on the ideology of Russian constitutionalism and the constitutional identity of the Russian state and society, the constitutional principles of legal order. The article uses the methods of comparative and system analysis, the method of constitutional design, concrete historical and formal legal methods of analysis. The article identifies the difficulties and shortcomings of Russian constitutionalism, formulates some directions and proposals for the development and improvement of constitutionalism. Particular attention is paid to the analysis of the constitution as an environment for legal innovation, public morality and constitutional identity. The study analyzes the theoretical foundations and comparative experience of constitutional identity, the problem of interpreting the constitution from the standpoint of progressive and actualized development in the context of ensuring not only the interests of the state and its head, parliament or government, but also citizens and their associations, which should be perceived as a constitutional community participating in the security of the viability of the constitution.

REFERENCES

1. Il'ichev, L.F. et al. (eds) (1983) *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
2. Choat, S. (2014) Teleology. In: Gibbons, M.T. (ed.) *The Encyclopedia of Political Thought*. John Wiley & Sons, Ltd. DOI: 10.1002/9781118474396.wbept0992
3. Krbálek, P. & Vacek, M. (2013) Teleology: A modern approach for knowledge mapping. *International Journal of Knowledge-based and Intelligent Engineering Systems*. 17 (2). pp. 137–144. DOI: 10.3233/KES-130268
4. Razeev, D.N. (2009) *Teleologicheskii printsip v nauke (transsendental'nyy podkhod)* [Teleological principle in science (transcendental approach)]. Abstract of Philosophy Dr. Diss. St. Petersburg.
5. Mayr, E. (1992) The Idea of Teleology. *Journal of the History of Ideas*. 53 (1). pp. 117–135. DOI:10.2307/2709913
6. Ruzavin, G.I. (2004) Teleologiya [Teleology]. In: Ivin, A.A. (ed.) *Filosofiya: entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophy: Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Gardariki.
7. Razeev, D.N. (2009) Critical Interpretation on Kant’s Analytics of Teleological Ability to Judging. *Filosofskie nauki – Russian Journal of Philosophical Sciences*. 11. pp. 74–87. (In Russian).
8. Collingwood, R.G. (1980) *Ideya istorii. Avtobiografiya* [The idea of history. Autobiography]. Translated from English by Yu.A. Aseev. Moscow: Nauka.
9. Pivoev, V.M. (2004) *Filosofiya smysla, ili Teleologiya* [Philosophy of meaning, or Teleology]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University.
10. Muraca, B. (2014) Teleology and the Life Sciences: Between Limit Concept and Ontological Necessity. In: Koutroufinis, S.A. (ed.) *Life and Process: Towards a New Biophilosophy*. Berlin; Boston: De Gruyter.
11. Sanderson, S.K. (2018) *Human Nature and the Evolution of Society*. New York: Routledge, Boulder.
12. Kistyakovskiy, B.A. (1999) *Filosofiya i sotsiologiya prava* [Philosophy and sociology of law]. St. Petersburg: RKhGI.
13. Mal'ko, A.V. & Shundikov, K.V. (2003) *Tseli i sredstva v prave i pravovoy politike* [Objectives and tools in law and legal policy]. Saratov: Saratov State Academy of Law.
14. Shundikov, K.V. (1999) *Tseli i sredstva v prave: Obshcheteoreticheskiy aspekt* [Aims and tools in law: The general theoretical aspect]. Abstract of Law Cand. Diss. Saratov.
15. Shundikov, K.V. (1999) *Tseli i sredstva v prave* [Aims and tools in law]. Law Cand. Diss. Saratov.
16. Jhering, R. (1881) *Tsel' v prave* [Aims in law]. Translated from English by N.F. Deryuzhinskiy, N.V. Murav'ev. St. Petersburg: Izdanie N.V. Murav'eva.
17. Gorban', V.S. (2017) Rudolf Stammler’s “The Doctrine of the Right Law” as a synthesis of the formal-rationalistic (Kantian) approach towards legal consciousness and R. Jhering’s teleological concept of law. 9. pp. 1–11. (In Russian). DOI: 10.7256/2454-0706.2017.9.24027
18. Kistyakovskiy, B.A. (1999) *Sotsial'nye nauki i pravo. Ocherki po metodologii sotsial'nykh nauk i obshchey teorii prava* [Social sciences and law. Essays on the methodology of social sciences and the general theory of law]. In: Sapov, V.V. (ed.) *Filosofiya i sotsiologiya prava* [Philosophy and sociology of law]. St. Petersburg: RKhGI.
19. Laws, J. (2012) The good constitution. *The Cambridge Law Journal*. 71 (3). pp. 567–582.
20. Udartsev, S.F. (2015) *Konstitutsiya i evolyutsiya obshchestva (voprosy teorii i filosofii prava)* [The constitution and the evolution of society (questions of the theory and philosophy of law)]. St. Petersburg: Universitetskiy izdatel'skiy konsortium.
21. Bellamy, R. (ed.) (1996) *Constitutionalism, Democracy and Sovereignty: American and European Perspectives*. Aldershot: Avebury.
22. Sweet, A.S. (2009) Constitutionalism, Legal Pluralism, and International Regimes. *Indiana Journal of Global Legal Studies*. 16 (2). pp. 621–645.
23. Graber, M.A. (2013) *A New Introduction to American Constitutionalism*. Oxford: Oxford University Press.
24. Epstein, R. (2011) Can we design an optimal constitution? Of structural ambiguity and rights clarity. *Social Philosophy and Policy*. 28 (1). p. 290. DOI:10.1017/S0265052510000142/
25. Varlamova, N.V. & Vasil'eva, T.A. (eds) (2017) *Internatsionalizatsiya konstitutsionnogo prava: sovremennye tendentsii* [Internationalization of constitutional law: current trends]. Moscow: ISL RAS.
26. Bradley, A.W., Ewing, K.D. & Knight, C.J.S. (2015) *Constitutional and Administrative Law*. 16 th edn. Pearson Longman, Harlow.
27. Kravets, I.A. (2018) Constitutional design, state reforms and Russian bicameralism in the early 20th century. *Pravo i politika – Law and Politics*. 4. pp. 60–106. (In Russian). DOI: 10.7256/2454-0706.2018.4.25339
28. Bartsits, I.N. (2018) Constitutional Design (on the Beauty and Aesthetics of Constitutions). *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences*. 41. pp. 344–370. (In Russian). DOI: 10.17072/1995-4190-2018-41-344-370

29. Bartole, S. (2018) Comparative Constitutional Law — An Indispensable Tool for the Creation of Transnational Law. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'nogo i sravnitel'nogo pravovedeniya*. 1 (68). pp. 39–46. (In Russian). DOI: 10.12737/art.2018.1.5
30. Teubner, G. (2012) *Constitutional Fragments: Societal Constitutionalism and Globalization*. Oxford: OUP.
31. Oliver, D. (2010) Psychological constitutionalism. *The Cambridge Law Journal*. 69 (3). pp. 639–675.
32. Widlak, T.H. (2016) Remarks on the Normativity of International Legal Rules and Global Constitutionalism. *Ratio Juris*. 29 (4). pp. 506–518. DOI: 10.1111/raju.12145
33. Benhabib, S. (2009) Claiming Rights Across Borders: International Human Rights and Democratic Sovereignty. *American Political Science Review*. 103 (4). pp. 691–704. DOI: 10.1017/S0003055409990244
34. Rensmann, L. (2016) National Sovereignty and Global Constitutionalism: An Adornian Cosmopolitan Critique. *Critical Horizons*. 17 (1). pp. 24–39.
35. Kravets, I.A. (2002) Teleologicheskaya funktsiya konstitutsii: k ponimaniyu konstitutsionalizma perekhodnogo perioda [The teleological function of the constitution: on understanding the transitional constitutionalism]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri – Humanitarian Sciences in Siberia*. 1. pp. 83–88.
36. McShea, D. (2012) Upper-directed systems: a new approach to teleology in biology. *Biology & Philosophy*. 27 (5). pp. 663–684. DOI: 10.1007/s10539-012-9326-2
37. Bondar', N.S. (2013) *Aksiologiya sudebnogo konstitutsionalizma: konstitutsionnye tsemnosti v teorii i praktike konstitutsionnogo pravosudiya* [Axiology of judicial constitutionalism: constitutional values in the theory and practice of constitutional justice]. Is. 2. Moscow: Yurist.
38. Dzhagaryan, A.A. & Dzhagaryan, N.V. (2014) Apologiya tseinnostnogo podkhoda v konstitutsionnom prave i pravosudii [Apology of the axiological approach in constitutional law and justice]. *Yuridicheskiy mir – Juridical World*. 2. pp. 27–34.
39. Gadzhiev, G.A. (2008) Tseli, zadachi i prednaznachenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii (chast' I) [Aims, objectives and purpose of the Constitutional Court of the Russian Federation (Part 1)]. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya – Journal of Constitutional Justice*. 1. pp. 10–16.
40. Gadzhiev, G.A. (2008) Tseli, zadachi i prednaznachenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii (chast' II) [Aims, objectives and purpose of the Constitutional Court of the Russian Federation (Part 2)] *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya – Journal of Constitutional Justice*. 2. pp. 8–11.
41. Zhilin, G.A. (2016) Zadachi i tseli konstitutsionnogo sudoproizvodstva [Objectives and aims of constitutional legal proceedings]. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya – Journal of Constitutional Justice*. 3. pp. 1–8.
42. Boldyreva, E.V. (2007) Zadachi i tseli konstitutsionnogo pravosudiya v sub"ektakh federativnykh gosudarstv (na primere SShA, FRG i Rossiyskoy Federatsii) [Objectives and aims of constitutional justice in the subjects of federal states (by example of the United States, Germany and the Russian Federation)]. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya – Journal of Constitutional Justice*. 2. pp. 52–61.
43. Petin, I.A. (2011) Konstitutsionnaya napravlenost' tseley nakazaniya i zadach ugolovnogo zakonodatel'stva [The constitutional focus of the purposes of punishment and the objectives of criminal law]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 8. pp. 17–21.
44. Stepanova, A.A. (2014) Konstitutsionnye tseli i zakonodatel'stvo ob organizatsii gosudarstvennoy vlasti [Constitutional aims and legislation on the organization of state power]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo – Constitutional and Municipal Law*. 3. pp. 16–19.
45. Dobrynin, N.M. (2011) O kategorii tselepolaganiya v kontekste konstitutsionalizma [On the category of goal-setting in the context of constitutionalism]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 11.
46. Nenovski, N. (1987) *Pravo i tsemnosti* [Law and values]. Translated from Bulgarian. Moscow: Progress.
47. Perepelitsa, E.V. (2016) Poznavatel'nye zadachi i vozmozhnosti konstitutsionnoy aksiologii [Cognitive tasks and possibilities of constitutional axiology]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo – Constitutional and Municipal Law*. № 10. pp. 11–14.
48. Kuhn, T. (1977) *Struktura nauchnykh revolyutsiy. S vvodnoy stat'ey i dopolneniyami 1969 g.* [The structure of scientific revolutions. With an introductory article and supplements in 1969]. Translated from English. Moscow: Progress.
49. Strashun, B. (1999) Konstitutsiya Rossii – sreda obitaniya, trebuyushchaya ratsional'nogo ispol'zovaniya [Constitution of Russia as a habitat requiring rational use]. *Konstitutsionnoe pravo: Vostochnoevropeyskoe obozrenie*. 4 (29). pp. 145–148.
50. Demidov, V.N. (2009) Konstitutsiya RF i edinstvo konstitutsionno-pravovogo prostranstva Rossiyskoy Federatsii [The Constitution of the Russian Federation and the unity of the constitutional legal space of the Russian Federation]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 6. pp. 14–23.
51. King, A. (2007) *The British Constitution*. Oxford: Oxford University Press.
52. Albi, A. (2007) Supremacy of EC Law in the New Member States Bringing parliaments into the Equation of “Co-operative Constitutionalism”. *European Constitutional Law Review*. 3 (1). pp. 25–67.
53. Schonthal, B. (2017) Formations of Buddhist constitutionalism in South and Southeast Asia. *International Journal of Constitutional Law*. 15 (3). pp. 705–733. DOI: 10.1093/icon/mox049
54. González-Jácome, J. (2017) From abusive constitutionalism to a multilayered understanding of constitutionalism: Lessons from Latin America. *International Journal of Constitutional Law*. 15 (2). pp. 447–468. DOI: 10.1093/icon/mox017
55. Kravets, I.A. (2015) Value of the constitutional teleology and constitutional legitimacy of the political and ideological diversity (pluralism): doctrine and practice. *Rossiyskiy zhurnal pravovykh issledovaniy – Russian Journal of Legal Studies*. 3(4). pp. 80–99. (In Russian).
56. Dixon, R. & Ginsburg, T. (2017) The forms and limits of constitutions as political insurance. *International Journal of Constitutional Law*. 15 (4). pp. 988–1012. DOI: 10.1093/icon/mox080
57. Prosser, T. (2017) Constitutions as communication. *International Journal of Constitutional Law*. 15 (4). pp. 1039–1065. DOI: 10.1093/icon/mox085
58. Rosenfeld, M. (2012) Constitutional Identity. In: Rosenfeld, M. & Sajó, A. (eds) *The Oxford Handbook of Comparative Constitutional Law*. Oxford: Oxford University Press.
59. Bui, S.N. (2017) Globalization of Constitutional Identity. *Washington International Law Journal*. 26 (3). pp. 463–533.
60. Marquand, D. (2011) The Once and Future Constitution. *Government and Opposition*. 46 (2).
61. Kravets, I.A. (2005) Konstitutsionnost' normativnykh pravovykh aktov: ponyatie, kriterii, posledstviya proverki aktov na sootvetstvie konstitutsii [The constitutionality of normative legal acts: the concept, criteria, consequences of checking acts for compliance with the constitution]. *Problemy prava – Issues of Law*. 4. pp. 9–22.
62. Hubner, K. (1994) *Kritika nauchnogo razuma* [The Critique of Scientific Reason]. Translated from German by I.T. Kasavin. Moscow: IPh RAS. pp. 159–164.
63. Whittington, K.E. (1999) *Constitutional Construction: Divided Powers and Constitutional Meaning*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
64. Whittington, K.E. (1999) *Constitutional Interpretation: Textual Meaning, Original Intent, and Judicial Review*. Lawrence: University of Kansas Press.

Received: 27 January 2019